

Тимофеев А. В. Как русские научились воевать.
Откровенные беседы с фронтовиками.
М.: Вече, 2020. — 400 с.

Журналист и писатель Алексей Тимофеев в девяностые и нулевые сделал то, о чем многие его коллеги только помышляли. А многие и вовсе оставались равнодушны к этой теме. В те времена реальным свидетельствам легендарных фронтовиков податливая публика предпочитала сомнительные источники, охотно покупалась на самые бредовые концепции новоиспеченных разоблачителей. Вагоны электричек и студии телеканалов были переполнены «экспертами», изучившими военную историю по книгам Виктора Суворова (Владимира Резуна).

Книга «Как русские научились воевать» вышла к 75-летию Победы, но очень своевременной она была бы, скажем, в год 50-летия этого события. Да и в 2005-м, 2010-м еще были живы некоторые из собеседников Алексея Тимофеева. Сейчас эту книгу можно назвать очень запоздавшей...

Между тем базовая работа сделана автором в те годы, когда у российских издательств были другие исторические и псевдоисторические приоритеты. Алексей Тимофеев собрал свидетельства героев войны именно в те времена, когда они, пережив 1990-е и осмыслив катастрофу, произошедшую с их страной, говорили, что называется, с «последней прямой».

Название книги «Как русские научились воевать» — своего рода отсылка к одному эпизоду повести «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, где Игорь Свидерский спорит с инженером-электриком Георгием Акимовичем.

«— Куда нам с немцами воевать, — говорит он, нервно подергивая галстук и собирая лоб в морщины. — Немцы от самого Берлина до Сталинграда на автомашинах доехали, а мы вот в пиджаках и спецовках в окопах лежим с трехлинейкой образца девяносто первого года.»

Игорь вспыхивает. Он вечно сцепляется с Георгием Акимовичем.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что воевать не умеем.

— А что такое уметь, Георгий Акимович?

— Уметь? От Берлина до Волги дойти — вот что значит уметь. — Отойти от границы до Волги тоже надо уметь.

Георгий Акимович смеется мелким, сухим смешком. Игорь начинает злиться.

— Чего вы смеетесь? Смешного ничего нет. Франция фактически за две недели распалась. Нажали — и развалилась, рассыпалась, как песок. А мы второй год воюем одни как перст.

— Что вы с Францией сравниваете. Сорок миллионов и двести миллионов. Шестьсот километров и десять тысяч километров. И кто там у власти стоял? Петены, лавали, спокойненько работающие теперь с немцами. Нет. Воевать мы не умеем. Это факт.

— Вот-вот-вот... — горячится Игорь. — Петены и лавали. Именно петены и лавали. А у нас их нет. Это главное. Вы понимаете, что это главное? Что люди у нас немножечко другого сорта. И поэтому-то мы и воюем. До сих пор воюем. Даже здесь, на Волге, потеряв Украину и Белоруссию, воюем. А какая страна, скажите мне, какая страна, какой народ выдержал бы это?»

И герои книги Алексея Тимофеева возражают некрасовскому Георгию Акимовичу, подтверждая правоту Игоря Свидерского: «люди у нас немножечко другого сорта». Это представители разных родов войск — разведчик, дважды Герой Советского Союза Виктор Леонов; командир танка Т-34 Нина Ширяева (Бондарь); ас-истребитель Федор Архипенко; комбат, Герой Советского

Союза Сергей Батышев; сапер Дмитрий Голиков; морской пехотинец Вадим Федулов; командир минометной батареи Петр Бахтин; артиллерист Юрий Бондарев...

В книгу вошли также очерки о маршале Александре Голованове (командующем авиацией дальнего действия во время Великой Отечественной) и маршале Николае Воронове (командующем артиллерией): автор много общался с их близкими.

Записывая рассказы героев войны, Алексей Тимофеев часто работал в паре с известным фотохудожником Павлом Кривцовым. В книге помещены и кривцовские снимки, сделанные во время этих встреч.

Полноту портретов легендарных фронтовиков обеспечивает и еще одна (почти незаметная) работа, проделанная автором: бережно сохранена индивидуальная интонация рассказчиков, дающая представление и об их характерах.

Вот, например, прямая речь Нины Ильиничны Ширяевой (Бондарь), командира танка Т-34 во время войны: «Помню погранзаставу, где отец был начальником, на границе с Китаем на реке Уссури. Мы, дети, кричим на другой берег китайскому пограничнику: ходя, соли надо? Китайцы обижались, они же все едят без соли, жаловались отцу: зачем маленький мадам говорит — ам, ам, соли надо?»

Затем отца перевели в Западную Сибирь. Эшелон, не доехав до Новосибирска, сошел с рельсов, многие погибли, отец умер в госпитале... Знакомая семья военнослужащих позвала маму в Бийск, где мы и остались жить. Я очень люблю Алтай. За что? Да люблю и все! Поедешь в предгорья, в горы — не нарадуешься. Чистейший воздух и горные реки».

В двух абзацах воспоминаний угадывается то ли экспозиция и завязка романа, то ли синопсис первого сезона сериала. Но сегодняшними продюсерами и сценаристами редко востребованы невыдуманные истории реальных героев. Им неинтересна судьба женщины-танкиста, дважды горевшей в танке, четыре раза тяжело раненной, награжденной орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени? Добавим сюда еще и линию ее сына — офицера-танкиста, прошедшего обе чеченские войны...

Обратим внимание на лапидарный стиль устных рассказов Нины Ильиничны, записанных Алексеем Тимофеевым:

«И жалости у меня к ним не было. Давила их батарею, и абсолютно ничего во мне не дрогнуло. Курице я за всю жизнь голову отрубить не могла. А немцев — спокойно. Честно говоря, и сейчас их речь слушать не могу. Для меня это враг! Сейчас они нам улыбаются, говорят что-то... А я им не верю».

«Воробчук в истории нашей бригады пишет: в боях за Винницу экипаж Бондарь подбил один танк Т-3, шестиствольный миномет, уничтожил 50 гитлеровцев. На последнее я скажу: кто их считал? Ну, уничтожил пушку — это видно. А живая сила? Мы ударили и пошли дальше. Эти цифры мне и раньше страшно не нравились. И сколько мой экипаж подбил танков — честно скажу, я не знаю, даже примерно. Другой раз приедешь, говорят: Нинка, ты танк подожгла. Когда, не знаю. Мало ли я там лупила. Он сразу может не загореться, а немного погодя. Может быть, кто-то еще ему поможет. Я видела в прицел, что ударила в него, и дальше поехала. Меня уже это не касается. Я знаю, что там сзади посмотрят и добьют, если он будет трепыхаться. Доводилось ли мне самой гореть в танке? Доводилось. Но мы оттуда научились искусно выпрыгивать. В считанные секунды нас уже там нет. Прыгали с башнером классно! А танк, бывало, загорится, а потом потухает».

Наверное, отрывистая речь, предельная сжатость едва ли не каждой фразы скромной жительницы Бийска — производное боевого опыта, приобретенного в тесном пространстве танковой башни, танкового корпуса. Да и стремительный ход мысли, с резкими выпадами и молниеносными переключениями, возможно, связан с упомянутой наукой: искусно выпрыгивать из танка в считанные секунды.

А вот как Нина Ильинична рассказывает о своем фронтовом быте: «Вылезешь из танка как черт. Умыться негде, воды нет. Очки подымешь: ни рожи, ни кожи. Не поймешь, кто ты есть. Как усну, мне снилось, что отец работает банщиком, а я у него прошусь: разреши помыться. Если рядом овраг с ручьем или болото чистое, мы комбинезоны в грязи, в песке вытопчем, сполоснем. На трансмиссию положим, мотор заведем, пять минут — и комбинезон высох.

Быт танкиста — не для женщины. Но мирилась со всем, терпела. Что меня еще возмущает: показывают женщину на войне, она обязательно курит. А у нас в бригаде никто из девушек не курил, не пил».

Эти свидетельства командира Т-34 никак не вяжутся с кинематографическими расхожими (в последние годы) представлениями о женщине на войне. Мы уже привыкли к экранным несуразностям: женские лица на фронте не чужды макияжу, да и фронт превратился в филиал «Санта-Барбары».

Нина Ширяева (Бондарь) вспоминает, как на школьной встрече восьмиклассницы спросили у нее о фронтовой любви. Она ответила: «Я там никому не нравилась, и мне никто не нравился. Я неумытая, грязная. Ни о какой любви речи быть не могло. А где что-то было, я не знаю. Всё».

Каждый из героев книги постигал и преумножал «науку побеждать». Один из тех, кто доносит до читателя свою «правду переднего края», — профессиональный педагог Сергей Яковлевич Батышев, Герой Советского Союза, «покоритель высот». Начал войну солдатом, закончил в Берлине, командиром полка. «Батышев был одним из того поколения школьных учителей, которые стали лучшими офицерами, сменив погибших в первый год кадровых командиров». После войны стал академиком, ученым с мировым именем.

В книге Тимофеева сквозная тема «Как русские научились воевать» сопровождается вопросом «Как русские научились верить». Почти все герои, с которыми беседовал автор, родились после 1917 года. Они прожили яркую жизнь и ушли из нее в новом тысячелетии. (Нина Ильинична Ширяева умерла 13 апреля 2013 года, в 90 лет.)

Для кого-то из них фронт стал местом, где они впервые задумались о вере в Бога. Кто-то ощутил ангела-хранителя за плечом.

Автор понимает, что неслучайно многие из собеседников выходили живыми из самых немыслимых передряг, чудом спасались от смерти, казалось бы, в безысходных ситуациях. В одной только биографии легендарного воина Виктора Леонова, командира 181-го особого разведывательного отряда Северного флота, мы находим десятки таких примеров (и завидуем автору, которому посчастливилось лично общаться с героем).

Примеры чудесного спасения упоминаются и писателем Юрием Бондаревым: «Были случаи, когда, что называется, смотрел смерти в глаза. Однажды снаряд прямо-таки ввинтился в бруствер прямо передо мной, но почему-то не взорвался. В голове промелькнуло: “Господи, спаси и сохрани!” И уцелел. А еще как-то угодил под шрапнель. Мой вещмешок разнесло в клочья, а спину задело только по касательной. Значит, Бог и на этот раз помиловал».

Командир танкового батальона Николай Корявко рассказал автору книги: «А ближе всего к смерти я был, наверно, на Ду-клинском перевале в 1944-м... Они ударили издали с тяжелых орудий. Разорвался снаряд. Осколок, маленький, шел прямо в сердце, пробил пуговицу, партбилет, сложенную карту и у записной книжки остановился...»

Командир минометной батареи Петр Бахтин стал протоиереем Русской православной церкви. «Под Волховом ходил на штыковой бой, рассказывает он автору о начале войны. — Немцы штыка не выдерживали. А потом поняли, что мы научились воевать». В наградном листе 1945 года, когда Бахтин уже был командиром батареи, говорится: «19 февраля в районе села Клайне-Езериц отбил 2 контратаки пехоты с самоходными орудиями, уничтожил 50 солдат и офицеров. Во время одной контратаки немецкие автоматчики приблизились (на расстояние) 50 метров к наблюдательному пункту. Тов. Бахтин вызвал огонь батареи на себя и отбил контратаку».

Артиллериста Николая Сазоновича Булычева дважды ранили во время немецкого прорыва в последние дни войны. В бессознательном состоянии он был отправлен в госпиталь. «Нас, человек восемь раненых, вез на лошадях немец. Когда я очнулся, мне дали в руки пистолет, который я держал над его затылком». Воспользоваться пистолетом не пришлось, немец благополучно довез будущего дипломата и чрезвычайного и полномочного посла 1-го класса.

В 1990-е пропаганда усиленно поработала над тем, чтоб приучить население к мысли: воинский строй — это что-то безликое, серое, «винтики войны», «пушечное мясо». Автор книги «Как русские научились воевать» так воспроизводит рассказы

своих героев, что не остается сомнений: каждый из них — яркая личность, закалившаяся в горниле войны. В каждом из них — «невытравленные черты русского характера».

Автор сам дает ответ на тот вопрос, который ненавязчиво задавался фронтовикам: «Как и всё практически их поколение, они были воспитаны вне Русской православной церкви, но в своих действиях на войне, по сути, были верны вере предков, главной христианской заповеди: “Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя”».